

ния в местах лишения свободы»! [7, с.5]. Такая ситуация абсурдна и противоречит общим принципам назначения наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ).

Не касаясь других недостатков системы наказаний, вышеизложенное позволяет утверждать, что она далека от совершенства и требует законодательной корректировки с учетом доктринальных разработок и возможности применения конкретных видов наказаний на практике.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ. – М., 2013 г.
2. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. – М., 2004 г.
3. Федеральный закон РФ от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 п.2
6. Муханов О. В. Эффективность системы наказаний как важное средство реализации уголовной политики / О. В. Муханов // Современные проблемы уголовной политики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Т.2. – С. 132–136.
7. Нагаева Т. И. Принудительные работы: альтернатива лишению свободы или фикция? / Т. И. Нагаева // Юридический журнал. – № 9. – 2013. – С. 45–47.
8. Рарог А. И. О развитии системы наказаний в УК РФ / А. И. Рарог // Юридический журнал. – № 9. – 2013. – С.12–14.
9. Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дис. ... канд юрид. наук / В.Ю. Стромов. – Волгоград, 2009.
10. Уголовное право (Общая часть) / Под ред. А. И. Рарога. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 311.

УДК 343.213.1 (043.2)

Маркунцов С. А., к.ю.н., доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ В РАМКАХ ПРАВОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Уголовно-правовой запрет – это нормативно-правовое предписание (законодательная юридическая конструкция), закрепляющее все возможные варианты (модели) преступного поведения, признаваемого в соответствии с уголовным законодательством противоправным в конкретный историчес-

кий период. Уголовно-правовой запрет можно рассматривать и как формальное государственно-властное веление нормативного характера, содержащее обязанность лица не совершать (воздерживаться от совершения) общественно опасные деяния, признаваемые уголовным законом противоправными, которое, будучи воспринятым адресатами как «отрицательная обязанность», интерпретирует общественные отношения сквозь призму механизма уголовно-правового воздействия. Воспринимаясь гражданами как «отрицательная обязанность», уголовно-правовой запрет становится даже ближе к категории субъективного права (являясь его антиподом, как и субъективная обязанность), чем к категории объективного права.

Уголовно-правовой запрет – это не только формальное государственно-властное веление нормативного характера, но и интерпретация общественных отношений (социального контекста) сквозь призму целей и задач, символов и юридических конструкций уголовного права. Являясь первичной, элементарной, самостоятельной, цельной, логически завершенной ячейкой в контексте уголовного закона, он отражает в себе как специфику содержания уголовно-правовой нормы, так и особенности метода уголовно-правового регулирования опосредованно к существующим общественным отношениям [1, с. 387–388].

Ценностно-ориентационное и мотивационно-психологическое действие уголовно-правовых запретов является своеобразной надстройкой общерегулятивных (общезапретительных) общественных отношений, возникающих в процессе реализации (соблюдения) уголовно-правовых запретов. Выполнение такой задачи уголовного закона, как предупреждение преступлений, во многом обеспечивается посредством позитивной уголовной ответственности, которая содержательно включает в себя восприятие (осознание) установленных уголовно-правовых запретов, реальное уголовно-правомерное поведение субъекта, а также положительную оценку (одобрение) этого поведения со стороны государства. Сам факт установления уголовно-правовых запретов, т.е. определение круга наказуемых деяний, – это не просто предпосылка, а основание позитивной уголовной ответственности, тогда как осознание уголовно-правовых запретов – ее важнейший элемент. В идеале установление или существование уголовно-правового запрета должно быть первичной специальной мерой противодействия преступности.

Философские основания уголовно-правового запрета раскрываются, с одной стороны – в многообразии его проявления, его многоаспектности, многогранности и интегральности как феномена человеческой истории и культуры, с другой стороны – в его индивидуальности и специфичности как одного из методов информативного, ценностно-ориентационного и психологического воздействия на граждан и наиболее жесткого легального ограничения общественной свободы, устанавливаемого государством; границы част-

ного права и особого средства масштабирования легитимированного государственного насилия за совершение преступлений; фактора, интерпретирующего общественные отношения сквозь призму уголовного права и законодательной модели потенциального преступного поведения [2, с. 60–61].

Проведенный социологический опрос среди ученых, исследующих вопросы уголовного права, показал, что основное предназначение уголовно-правовых запретов оценивается ими далеко не однозначно. Большинство ученых указали, что основное предназначение уголовно-правовых запретов состоит либо в идентификации (определении границ) деяний, определяемых преступными согласно УК, либо в удержании лиц от совершения преступлений.

В силу сложности правовой природы уголовно-правовых запретов представляется необходимым выделение системы функций, выполняемых ими. Первая группа функций уголовно-правовых запретов будет отражать, прежде всего, их информативное и ценностно-ориентационное, хотя полностью к нему и не сводится. Эта группа функций связана с действием уголовно-правового запрета как элемента объективного права на психическом (идейно-мотивационном) уровне, но и пониманием его как «отрицательной обязанности», то есть на уровне субъективного права. Вторая группа функций уголовно-правовых запретов будет отражать их институциональную составляющую. Эта группа функций определяется пониманием уголовно-правового запрета как первичного ядра, элемента системы уголовного права и одновременно как инструмента государственного воздействия на общественные отношения. К первой группе функций относятся охранительно-регулятивная, гарантийно-легитимирующая, информационно-ориентационная, ценностно-мотивационная. Ко второй группе – оценочно-интерпретационная, инструментально-предупредительная, юридико-техническая (аккумулирующая) [3, с. 62–63]. Перечисленные функции уголовно-правовых запретов, на наш взгляд, являются основными (базовыми), и в силу этого предлагаемый их перечень не претендует на всеобъемлющий, исчерпывающий характер. Но выделение системы самостоятельных функций уголовно-правового запрета, отличных от функций нормы права (нормы уголовного права) и функций состава преступления, подтверждает тезис о самостоятельности и многоаспектности соответствующего правового образования. Выделение системы самостоятельных функций уголовно-правового запрета лишь подтверждает тезис о самостоятельности и многоаспектности такого социально-правового феномена как уголовно-правовой запрет.

Литература

1. Маркунцов С. А. Уголовно-правовой запрет как социолого-правовая категория / С. А. Маркунцов // Правовые исследования: новые подходы. Сборник статей факультета права НИУ ВШЭ. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2012. – С. 379–388.

2. Маркунцов С. А. Философия уголовно-правового запрета / С. А. Маркунцов // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4(9). – С. 53–61.

3. Маркунцов С. А. Система функций уголовно-правового запрета / С. А. Маркунцов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Девятой Международной научно-практической конференции 26–27 января 2012 г. – М. : Проспект, 2012. – С. 60–63.

УДК 343.21 (043.2)

Маркунцова И. А., аспирантка,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия

ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Право – это особая социальная реальность. Такой поразительный феномен, который относится к субъективной стороне жизни общества, в своем возникновении и действии зависит от людей, от их мнения и воли, и в то же время представляет собой особое *явление* среди факторов действительности... Право имеет свое «тело» – *corpus juris*... – «тело» как своеобразное, позволительно сказать материя *со* своими свойствами, своей жизнью, логикой существования и развития. Материя – не в глубоко материалистическом понимании, а в значении социальной, во многом незримой реальности [1, с. 2–3]. Правовое измерение – особый подход и одновременно особые способы познания личности, общества и государства через призму такого «поразительного феномена», как права. Понятие правового измерения является достаточно абстрактным и одновременно ёмким. Это понятие отражает определенные пространственно-временные характеристики и ориентиры, в рамках которых действует право (закон). Представляется, что они должны учитываться при моделировании конкретного закона, особо важным, в этой связи, представляется, моделирование уголовного закона. Поскольку, как указывал известный русский профессор И. Я. Фойницкий, именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан [2, с. 5].

Моделирование уголовного закона – это определение его модели, внутреннего строения (структуры) посредством наполнения его базовыми уголовно-правовыми институтами и структурирование институтов Особенной части уголовного закона путем наполнения их уголовно-правовыми запретами с позиции криминализации и декриминализации с учетом тенденций социально-экономического развития государства и общества, концепции развития уголовной политики, анализа правоприменительной практики.